



ГЕРОИЧЕСКАЯ



ФАНТАСТИКА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

БУНТАРЬ

ЗА ВОЛЬНУЮ ВОЛЮ!



МОСКВА
2018



УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Разработка серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *И. Варавина*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Бунтарь. За вольную волю! / Юрий Корчевский. —
Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 320 с. — (Героическая
фантастика).

ISBN 978-5-04-091850-8

Новый роман от прославленного мастера жанра!

«Драйв, свобода, рок-н-ролл!» — вот девиз Михаила Засекина, поклонника русского рока из Санкт-Петербурга, бунтаря и забияки.

Какую сторону он выберет, угодив в XVII век, в самое начало Смутного времени? С радостью примкнет к крестьянскому войску Ивана Болотникова! Ведь когда еще представится случай безнаказанно побужить, расшатывая устои государства. С повстанцами, бьющимися за «вольную волю», Михаил пройдет сотни верст по Московии, испытает радость побед и горечь поражений.

И только когда в страну придут интервенты-поляки, желая посадить на русский трон королевича Владислава, Михаил поймет, что Родина у него одна и государство — это в первую очередь простые люди, а не правители. Под командованием Дмитрия Пожарского русский воин Засекин выступает в свой новый поход.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091850-8

© Корчевский Ю. Г., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

РОК-МУЗЫКАНТ

К рок-музыке Михаил приобщился с восьмого класса. Слушал скверного качества магнитофонные записи вместе с друзьями. Какие группы были — «Кино» с Виктором Цоем! Одна «Группа крови на рукаве...» чего стоила. А «Машина времени» с Андреем Макаревичем, «Аквариум» с Борисом Гребенщиковым, «ДДТ» с Юрием Шевчуком, а больше всего нравилась «Ария» с Валерием Кипеловым. После девятого класса поехал из родной Тулы в Санкт-Петербург, в техникум геодезии и картографии поступил. После промышленной Тулы, где жил в старинной оружейной слободке, где все улицы имели оружейные названия — Курковая, Ствольная, Замковая, город на Неве восхитил. И не столько дворцами и храмами, к ним равнодушен был, сколько воздухом вольным. Во многих домах культуры концерты рок-групп проходили. Днём в техникуме учился, по вечерам, а то и по ночам подрабатывал, на жизнь и билеты на концерты деньги нужны. Тяжко приходилось порой, приходилось делать нелёгкий выбор — пару дней сытой жизни или билет на концерт. Завсегдатаем стал, знакомые среди фанатов появились. На концертах — бунтарский дух, протест против существующих порядков, для людей молодых куда как привлекательно.

После окончания техникума определиться не успел, как попал в армию. Специальность у Михаила редкая, попал в железнодорожные войска. Форму надел, из автомата несколько раз выстрелил, а после курса молодого бойца присяга и в тайгу, строить железную дорогу. Да не гражданскую, для подвижных ракетных комплексов. С одной стороны, повезло, на гражданку с опытом вернулся. И не в Тулу, а в Питер.

Соскучился в армии по року. Устроился геодезистом на землеустроительные работы, через старых знакомых фанатов стал в Дом культуры на репетиции одной современной рок-группы захаживать, с музыкантами близко познакомился. Парни простые оказались, общительные. Однажды барабанщик загрипповал, репетиция срывалась. Михаил наглости набрался, попробовал за барабаны сесть. Музыкального образования не было, но слух и чувство ритма имел. Сначала ошибался, но к концу репетиции удостоился одобрительного похлопывания по плечу.

— Если попрактиковаться, толк из тебя будет, — сказал бас-гитарист.

После репетиций парни винцом баловались. Михаил слышал, что и травку курили, но при нём не было. На радостях в близлежащий магазин сбегал, вина принёс, про закуску забыл. К музыкантам и их славе девушки липли как мухи на мёд. Кто-то вино ещё принёс. Шутки, обнимашки, женское повизгивание. Михаил после работы, не ел ещё, от выпитого поплыл. Ни в техникуме алкоголь не употреблял, не на что покупать было, ни в армии, командиры строгие были. А как работать устроился, едва не половина зарплаты на съёмное жильё уходила. Да и работой дорожил, учуют запахок после вчерашнего — и прощай.

БУНТАРЬ. ЗА ВОЛЬНУЮ ВОЛЮ!

Поплыл, ноги подкашиваются, голова кругом идёт. Забрался за кулисы, нашёл местечко укромное, прилёг. Одна мысль мелькнула. Хорошо, что пятница, завтра на работу не идти. И отключился. Похоже, последний стаканчик лишним был.

В себя приходил тяжело, голова не своя, да и шум какой-то вокруг. Веки размежил — светло вокруг. Вот же незадача, всю ночь проспал. Тело от неудобной позы затекло, встал с трудом. Во рту сухо, водички бы испить. Огляделся вокруг. Да не за кулисами Дома культуры он, а на улице, рядом с забором. Дожился! Пьянь подзаборная! Начал себя последними словами ругать. По мере того как в себя приходил, стал странности замечать. Мужики вокруг в одежде старинной. Кто попроще одет — рубаха, порты, на ногах сапоги. А один прошествовал в зелёном длинном пиджаке... э... да не пиджак это, скорее камзол, каким его на картине Михаил видел. А что более всего смутило — с оружием людишки-то. У кого за поясом топор, у кого сабля на ремне, а потом двое прошествовали, обличьем и кафтанами стрельцы, на плечах бердыши несут. Михаил глаза протёр, головой тряхнул. Не белочка ли его посетила? Но не запойный пьяница он. И стражники не исчезли. Вдоль улицы двое конных проскакали и тоже при оружии. Война началась? Но не на саблях же драться будут. Михаил одного мужика за руку поймал.

— Скажи, любезный, где я?

— Ох, и разит от тебя! Пить меньше надо! Под Рязанью ты, десять вёрст от города.

Мужик хихикнул, дальше побежал. Рязань? Да как он сюда попал? От Питера до Рязани тысяча километров, а он не помнил, чтобы на поезде ехал или самолётом летел. Нет, всё, больше спиртного ни капли! Теперь надо

думать, как к понедельнику в Питер успеть, иначе — прогул с последующими выводами. Увидел колодец, направился к нему, пить хотелось сильно. Опередив его, к колодцу мужик подошёл. К ведру с водой присосался. Михаил дождался, пока человек напьётся, спросил:

— Правда Рязань рядом?

— Истинная правда! А ты чьих будешь?

Михаил не ответил, к ведру припал. Стало быть, он в самом деле под Рязанью. Пошарил по карманам, обнаружил только мелочь. На метро хватит, но какое в Рязани метро.

Мужики зашумели, побежали в одну сторону. И Михаил за ними. Один из них бросил на ходу:

— Сам Иван Исаевич будет.

— Это кто такой? — спросил Михаил.

— Да Болотников же!

Михаил ещё со школы знал одного Болотникова — предводителя восстания в начале семнадцатого века. Семнадцатого, блин! Это когда было? Четыре века назад. Мужика он догнал, за рукав дёрнул.

— Не гневайся, подскажи. Какой год сейчас?

— Семь тысяч сто четырнадцатый.

— Ого!

Только несколькими минутами позже сообразил — летоисчисление от сотворения мира, а не от Рождества Христова. Выходит, не галлюцинации у него, на самом деле попал в передрыгу. Временная петля, сбой во времени? Да какая разница? Он в другом времени, и время это интересное, более чем. В школе восстание Болотникова проходили как-то быстро, вскользь, мельком. А теперь самому можно поучаствовать. Начал припоминать, а в голове знания скудные, отрывочные. Только три момента и вспомнил. Что Болотников — холоп князя Телятевского, что возглавил Иван Исаевич

БУНТАРЬ. ЗА ВОЛЬНУЮ ВОЛЮ!

крестьянское восстание и что в итоге царские войска бунт подавили, а Болотникова казнили.

Не всё из школьного учебника соответствовало истине. На самом деле Болотников холопом не был никогда, а был служилым дворянином у князя Телятевского, прозванного в народе Хрипуном за сишный голос. На какое-то время пропал со службы и объявился в Северских землях, да ещё с фальшивой грамотой, что он послан в Камаринскую волость, как официально именовались Северские земли, самим царевичем Дмитрием. На самом деле царевич был убит в Угличе в детском возрасте, а Лжедмитрием был беглый монах Гришка Отрепьев.

Василий Иванович Шуйский, князь и боярин при Борисе Годунове, боролся против Лжедмитрия, но после смерти Бориса переметнулся на службу к самозванцу. Отрепьев принялся ущемлять права бояр, освободил простой люд от налогов. Шуйский и бояре почувствовали угрозу для себя, организовали заговор и со второй попытки Отрепьева убили. Тело Лжедмитрия бросили на Ивановской площади, для обозрения москвичам. Поскольку лицо Самозванца было изуродовано, его прикрыли маской скомороха, совершив ошибку. Народ толпами валил смотреть на труп, а убедиться, что убит именно Лжедмитрий, не смогли. По Москве, а затем по губерниям поползли слухи, что царевич Дмитрий жив, успел сбежать. Фактически бояре сами подготовили почву для появления второго Лжедмитрия — Гаврилы Верёвкина и вновь с помощью поляков.

Уже через день после смерти Лжедмитрия Первого срочно был собран Земский собор. Ввиду срочности прибыть на него смогли только москвичи, подкупленные людишки выкрикнули на царство Шуйского. Одна-

ко многие города и губернии такой выбор не поддержали, поскольку сочли голосование неправомочным из-за малочисленности. Царю повиновались только Москва и несколько уездов московской губернии. Смутное время набирало обороты, угроза распада государства российского становилась реальной. Конечно, Михаил таких тонкостей всей подковёрной борьбы не знал. Побежал вместе с мужиками слушать Болотникова.

Предводитель восстания стоял на высоком крыльце, произносил речь. Михаил посмотрел, послушал. Несколько минут хватило, чтобы понять — врут школьные учебники про холопа. Лицо у Болотникова умное, говорит, как трибун, речь складная, пламенная, способная увлечь. Холоп на такое не способен.

Центром волнений сначала послужил Путивль в Северских землях, потом к движению примкнули стрельцы и казаки. К Болотникову присоединились отряды во главе с дворянами — Ляпуновым, Истомой Пашковым, Андреем Телятевским, даже князем Г. Шаховским. Казаками верховодил Илейко Муромец. Войско собралось огромное, до 30 тысяч, и имело артиллерию, у стрельцов пищали и ручницы, у крестьян и простого люда холодное и дробящее оружие, вроде кистеней, палиц да чеканов.

Болотников называл себя воеводой Дмитрия-царевича, рассылал прелестные письма (воззвания) к людям московским, призывая свергнуть Шуйского и посадить на трон царя истинного, продолжателя рода Рюриковичей. А покамест не идти в ополчение против войска Болотникова.

Сейчас слушали Ивана Исаевича люди простые, судя по одеждам — крестьяне, холопы, ремесленники. И слышали от воеводы Дмитрия то, что хотели, о чём

БУНТАРЬ. ЗА ВОЛЬНУЮ ВОЛЮ!

мечтали. Освобождение от налогов, возможность перейти в Юрьев день от одного хозяина к другому, даже о даровании от Дмитрия за заслуги своей земли. А ещё возможность отомстить притеснителям, обидчикам.

«Берите их рухлядь, гоните взашей! А сопротивляться будут, живота лишайте», — взывал Болотников.

Холопам эти слова — как бальзам на душу. И заповеди Христовы враз забыты. У каждого человека внутри тёмная, злобная сущность есть. До поры до времени под спудом законов государства она, под установленным миропорядком, а ещё церковь внушает десять заповедей — не убий, не укради, не прелюбодействуй. А Болотников от имени царевича говорит: можно! Иди, убей, ограбь, жену насильничай, лишь бы царевич на трон сел, он все грехи отпустит.

И Михаил под очарование велеречивых слов Болотникова попал. Прост с виду предводитель, незаносчив, слова простые и понятные говорит да убедительно. Да ещё какую-то струнку в душе Михаила задел. Рок-музыканты бунтари в душе, а здесь и сейчас в этом бунте поучаствовать самому можно. Да здравствует бунт! За справедливость! Забыл слова — русский бунт, он бессмысленный и беспощадный. Вроде и не подросток уже, а возможность побунтовать увлекла.

— Я пойду, прими в войско! — закричал мужик по соседству.

— И я! Меня возьмите, — закричал второй.

— Всех, кто хочет помочь делу праведному, благому, всех в войско возьму, — поднял руки Болотников. Кто грамоте разумеет — поднимите руки.

Поднялись две руки, помедлив, Михаил тоже поднял.

— Кто грамотен, подойдите.

Михаил через толпу вперёд пробился. Болотников их попросил на крыльцо подняться.

— Сейчас они списки составят и впредь будут вашими десятниками. Все их указания исполнять, как мои. Войско — оно дисциплины требует, иначе мы — сброд!

Так, неожиданно для себя, Михаил стал маленьким начальником. Но вывод сделал — впредь не высовываться без нужды. Толпа народа разделилась на три части, к каждому из писарчуков. Гусиным пером и жидкими чернилами Михаил не писал никогда, с непривычки получалось неряшливо, даже две кляксы поставил. Это не шариковой или гелиевой ручкой писать. Однако и у двух других грамотеев получилось не лучше.

Пока писали, Болотников ушёл, а вернулся со стрелецким полковником. Всё по форме — колпак, кафтан, рубаха, сапоги. Сбоку на ремне сабля, за поясом пистолет внушительных размеров.

— Сейчас Онуфрий, Григорьев сын оружие раздаст согласно спискам.

На небольшую площадку въехали три лошади, тянущие подводы с боевым оружием.

— Первый десяток! Подходи! — громогласно крикнул стрелецкий полковник.

А по спискам у каждого грамотея не десяток получился, а три. Мужиков-то, охочих до участия в бунте, много, а грамотных трое оказалось. Но полковник внимания не обратил. Каждого подходившего спрашивал:

— Чем владеешь?

Сообразно ответам оружие выдавал. Боевое железо, выдавшее виды, видимо, трофейное, из арсеналов. Потёртое, со следами зазубрин на лезвиях, но без следов ржавчины. Видимо, в арсенале за оружием следили. Да и то, кто будет выдавать холопу или крестьянину но-

вое оружие, если он им толком пользоваться не умеет. Сабля отечественная стоила новая шестьдесят копеек, сумма немалая. Шведская или дамасская от трёх до двенадцати рублей, деньги для простого люда заоблачные. На три рубля можно деревню купить, с землёй, холопами и скотиной. Люди простого звания брали и оружие попроще — топоры, кистени, железные палицы. Взяв в руки оружие, принимались им размахивать. Стрелецкий полковник с неодобрением заметил:

— Как бы не покалечили или не поубивали друг друга!

Помогавший ему стрелец махнул рукой.

— Один сдуру отрубит себе что-нибудь, другие враз поумнеют.

Михаил получал оружие последним. Что брать, если не владел ничем, кроме «калашникова»?

— Ручница есть? — спросил он.

— А совладаешь?

— Опыт есть, — соврал Михаил.

— Тогда бери и берендейку.

Стрелец глянул на Михаила с уважением. Обращаться с огнестрельным оружием многие не умели, а от звука выстрела закрывали глаза и уши. Что такое берендейка, Михаил не знал. Оказалось, наплечная сумка, где хранился порох, пыжи, пули. Получив ручницу, кремневый пистолет, сунул его за пояс. Ни кобуры, ни сумки для его хранения не полагалось. Сразу сообразив, что скорострельности ему не видать, Михаил попросил кинжал.

— Может, саблю?

— В ногах пугаться будет.

Нашёлся кинжал. Ножны простые, деревянные, кожей обтянуты. Зато клинок хорошей стали, а рукоять

простая. Не для парадов кинжал, для боя. Михаил в сторону отошёл, начал ручницу в руках вертеть. Тяжела, да и калибр изрядный. Ох, зря на такое оружие напросился. Патронов нет, дульнозарядное, сколько пороха засыпать, да что вначале? Кремневый замок приготовить или порох с пулей в ствол? Это сейчас литературные пособия, Интернет, где мусора много. Но пересилил гордыню, к стрельцу подошёл.

— Подскажи, братец, какова мерка? Из пищали стрелял, правда, давно. Как бы с зарядом пороха не переборщить, а то ствол разорвёт.

— Вопрос правильный. Смотри и запоминай. В берендейке мерка есть. Ею порох отмеришь. Засыпал в ствол, сверху пыж и прибей. Шомпол-то под стволом. — Стрелец говорил и показывал. — Потом пулю, а сверху ещё пыж, не то ручницу наклонишь, а она выкатится. Опосля курок взведи, маленькую щепотку пороха на полку подсыпь, крышечкой прикрой. В дождь не заряжай, порох подмокнет, подведёт. А уж затем пали по команде.

Стрелец ручницу поднял, спуск нажал. Оглушительно бабахнуло, дымом чёрным затянуло. Мужики от неожиданности ахнули, зашумели.

— Тихо! Привыкайте! У врага нашего, войска московского, не только пищали имеются, а и пушки. Во много раз сильнее грохочут.

Один из селян спросил:

— Громом убивают?

— Эх ты, лапотник! Из пушки дроб каменный летит, або ядро. Как грохот услышал, быстро прячься, скажем — за дерево, уцелеешь тогда.

— Страсти-то какие! — перекрестился мужик.

БУНТАРЬ. ЗА ВОЛЬНУЮ ВОЛЮ!

Похоже, селянин пожалел, что записался в ополчение. Но Болотников опытен был, хитёр. На площадь вынесли два дымящихся котла.

— Подходи, налетай! Шулом и каша, дабы порты не спадали.

Засуетились мужики. Ложки, у кого деревянные, у кого оловянные, почти у всех есть. С мисками, плошками плохо. Если вокруг малого котла в кружок сесть, можно и по очереди хлебать, то с большим так не получится. Но и миски принесли. Радости не было предела. Сначала шулом бараний похлебали, пока не остыл, потом за гречневую кашу, сдобренную конопляным маслом, принялись. Тишина, только чавкание раздаётся.

Мясо ели редко, не каждую неделю, а то и месяц. Поэтому сытное мясное угощение склонило чашу весов колеблющихся на сторону Болотникова. Над новобранцами поставили сотника, и теперь десятники подчинялись ему. Сотник Твердила Фомин ещё вчера был десятником в стрелецком полку, внезапному возвышению был рад до чрезвычайности. Для начала познакомился с десятниками. К Михаилу сразу вопросы:

— Ты Засекиным кем приходишься?

Кто такие Засекины, Михаил не знал, но на голубом глазу ответил:

— Дальние родственники.

— То-то я смотрю — грамотный, одежда нехолопская.

Немного позже Михаил узнал, что братья Засекины — князья, и сразу прикусил язык. Однофамилец просто. А вот одежду следует сменить, отличается он от всех — джинсы, футболка, кроссовки. Обычный прикид молодого горожанина.

— На сегодня велено отдыхать, утром выступаем.